

Гэ Хуань уже собрался было незаметно прошмыгнуть мимо, но предводитель компании — старший ученик вершины — мёртвой хваткой вцепился ему в предплечье.

— Пошли выйдем, — процедил тот с высокомерной усмешкой. — Посмотрим, чего ты стоишь.

Гэ Хуань осторожно высвободил руку и, сохранив на лице самую дружелюбную из своих улыбок, примирительно поднял ладони:

— Сдаюсь-сдаюсь, даже и пробовать не буду. Ты у нас самый сильный, тут и спорить не о чем.

Стоявшие за спиной зачинщика ученики издевательски прыснули.

— Цзыянь, да он просто трусил! Прекрасно знает, на что ты способен, вот и поджал хвост.

Фэн Цзыянь небрежно скрестил руки на груди, прищурившись в притворном оскале.

Гэ Хуань присмотрелся к нему. Перед ним стоял не кто иной, как Фэн Цзыянь — первый ученик своей вершины, на прошлом Собрании Героев умудрившийся замкнуть десятку сильнейших. Заносчивости в этом типе было столько, что хватило бы до небес — Гэ Хуань в своей прошлой жизни, пожалуй, отличался тем же грехом, свято веря, что мир вращается вокруг него, а окружающие обязаны падать ниц при его появлении. С оригинальным главным героем у этого заносчивого индюка вражда была не на жизнь, а на смерть — классический козёл отпущения, которому суждено пасть от руки протагониста.

— С лица воду не пить, белоручка чистой воды, — хмыкнул один из стоявших рядом учеников.  
— Да и силёнок там, небось, только на красивые позы и хватит. Скукотища. Пойдём, Цзыянь, время только тратить.

А вот с этим Гэ Хуань был категорически не согласен! В прежней жизни он тяжелее ложки ничего не поднимал, рос нежным тепличным цветком под надёжным крылом заботливой семьи, да ещё и на уход за собой времени не жалел. И теперь его безупречную кожу, которой он всегда так гордился, эти неотёсанные деревенщины смеют выставять пороком? На себя бы посмотрели: поры расширенные, лица обветренные, серые, загорелые до черноты — и туда же, рассуждают о чужой внешности!

Гэ Хуань благоразумно промолчал. Пусть болтают что хотят, лишь бы убিরались поскорее.

Однако Фэн Цзыянь и не думал униматься.

— Надо же, — издевательски протянул он. — Не думал, что преемник самого Почтенного Поздняя Звезда окажется настолько трусливой девкой. Я-то гадал, какого великого гения наш благородный шицзунь решил взять в обход всех правил. А перед нами просто бледная, мелкая, трусливая нескладеха с глуповатым лицом. Пшик, да и только.

Гэ Хуань стиснул зубы, удерживая вежливую мину.

— Да... твоя правда, всё так и есть, — выдавил он, мысленно твердя как мантру: «Не связывайся с дураком, целее будешь. Береги нервы, береги лицо».

Стерпишь миг — избежишь бури, отступишь на шаг — увидишь бескрайнее море. Сейчас он мелок и слаб, словно подёнка. Рано ему ещё бодаться с дубами.

— Что, даже глаз на нас поднять боишься? — не унимался Фэн Цзыянь. — Или брезгуешь?

Гэ Хуань резко вскинул голову и отчаянно замахал руками:

— Что вы, что вы! Как можно! Вы — уважаемые старшие братья, а я так, безвестный новичок, без году неделя в ордене Цзюньшань. Куда мне на вашу славу взирать, ослепну ещё.

Фэн Цзыянь опешил. Ему ещё никогда не попадались настолько покладистые соперники. Тут как ни нарывайся — стена ватная, ни капли злости в ответ. Диковинный экземпляр. Однако стоило вспомнить, что это ничтожество — личный ученик Цзисин-цзы, как у Фэн Цзыяня в груди закипала глухая, удушливая зависть. На той памятной церемонии посвящения он ведь самым первым бросился к ногам великого мастера, мечтая снискать его милость.

Цзисин-цзы в ордене Цзюньшань слыл непревзойденным гением, в котором божественная красота сочеталась с редчайшим талантом. Он сам создал великую Технику Мгновенной Тени и Технику Сокрушительной Иллюзии, а его сила уступала разве что могуществу самого главы ордена. Своим легендарным Нефритовым жезлом Возвращающегося Снега он мог развеять в прах любого демона с одного касания.

Фэн Цзыянь грезил им, шёл в орден только ради того, чтобы перенять его мудрость. Но великий старейшина отказал ему. Сухо, хладнокровно, при всём честном народе.

Позор тогда вышел знатный. Все надежды и амбиции Фэн Цзыяня разлетелись в пыль, а сам он надолго сделался всеобщим посмешищем. Эта рана не затянулась до сих пор, оставшись несмываемым клеймом на его гордости. С того дня он поклялся сделать всё, чтобы Цзисин-цзы признал свою ошибку. Но шли годы, Фэн Цзыянь выбился в первые ученики своей вершины, а старейшина по-прежнему скользил по нему равнодушным, невидящим взглядом.

С самим мастером тягаться было бесполезно — силёнок не хватит. Но уж его хвалёного ученика Фэн Цзыянь втопчет в грязь без особого труда.

— Ты хоть понимаешь, на чьё место сегодня вздумал усестись в трапезной? — процедил Фэн Цзыянь.

Гэ Хуань удивлённо хлопнул глазами.

Старший ученик картинно вскинул бровь и заговорил ещё более надменно:

— Стол для лучших из лучших не предназначен для всякого отребья. Туда садятся по праву силы, а не по случайной прихоти судьбы.

Ученики за его спиной едва сдерживали прысканье. Надо же, до чего только Фэн Цзыянь не додумается, лишь бы высосать из пальца повод для драки.

«Чему быть, того не миновать, — уныло подумал Гэ Хуань. — Бить будут, и, судя по всему, больно».

Он со вздохом заглянул сопернику в глаза:

— Раз уж так... давай выйдем. Только пойдём вон к той роще подальше от посторонних глаз.

Идея была проста: не хотелось позориться перед толпой зевак. Да и репутацию Цзисин-цзы подставлять негоже — если его единственного преемника отделают у всех на виду как шелудивого пса, позор падет на всю их вершину.

— Не тебе условия ставить! — оборвал его Фэн Цзыянь. — А ну пошёл на выход!

Одарив Гэ Хуаня напоследок высокомерным взглядом, зачинщик круто развернулся на каблуках. Толпа расступилась, пропуская дуэлянтов.

Один шагал впереди — вальяжно, небрежно, всем своим видом демонстрируя превосходство и лёгкость. Другой плёлся следом — нога за ногу, ссутулившись, с таким лицом, будто его вели на плаху под барабанную дробь.

— Прямо здесь и закончим, — скомандовал Фэн Цзыянь, резко затормозив.

Гэ Хуань уныло замер на месте.

«Ну точно больной на всю голову! Устроить потасовку прямо у дверей трапезной, чтобы уж точно пол-ордена собралось на это посмотреть? Сволочь самовлюблённая, нарочно ведь подгадал».

Толпа зевак уже высыпала на крыльцо, к ним спешно присоединялись случайные прохожие, почуявшие запах назревающей потасовки. Вся эта орава с веселым предвкушением сгруппировалась за спиной Фэн Цзыяня.

Тот лениво приподнял правую ладонь:

— Облегчу тебе задачу. Выдержишь один мой удар — и я забуду про твою наглость. Идёт?

Гэ Хуань согласился без малейших раздумий:

— Идёт.

Солнце стояло в самом зените. Ослепительно-белые облака неторопливо плыли по лазурному небу, пропуская яркие лучи, которые дробились в листве и падали на землю зыбкими пятнами света. Внезапно налетевший порыв ветра заставил деревья тоскливо зашелестеть.

Они замерли друг напротив друга. Внезапная вспышка полуденного солнца превратила глаза Гэ Хуаня в две полуприкрытые янтарные капли — он непроизвольно сощурился.

Фэн Цзыянь вызывающе оскалился и повёл плечом. В его ладони, послушное воле хозяина, с тихим треском заплясало багровое пламя. В своём мастерстве он не сомневался ни на миг: стихия огня покорила ему уже давно, подчиняясь малейшему движению мысли. Сам Почтенный Главы Шаманов благоволил талантливому преемнику, сквозь пальцы глядя на его дерзкие выходки, что лишь раздувало и без того непомерную гордыню парня.

— Пеняй на себя, — бросил Фэн Цзыянь, поигрывая огненным шаром. — Зажмуришься ненароком — я за твою жизнь отвечать не стану.

Гэ Хуань серьёзно и даже как-то облегчённо кивнул:

— Договорились, никакой ответственности. Начинай уже.

«Чем быстрее огребу, тем скорее уползу к себе раны зализывать. В конце концов, я тут главный герой, сюжетная броня умереть не даст».

Фэн Цзыянь хищно улыбнулся. Он плавно повернул запястье, и багровое пламя с гулом раздулось, став вдвое больше прежнего. У собравшихся вокруг учеников невольно перехватило дыхание. Фэн Цзыянь совсем с катушек съехал? Решил пришибить задохлика на месте? Поучить спесь — ладно, но калечить-то зачем?

— Цзыянь, потише ты! — негромко шепнул кто-то из толпы. — Он как-никак единственный ученик Почтенного Поздняя Звезда.

Это предостережение возымело обратный эффект: Фэн Цзыянь лишь потемнел лицом. Зависть уродливой гримасой исказила его черты, начисто смыв весёлую спесь.

— Он сам согласился, я его за язык не тянул! — отрезал он. — Сами всё слышали.

Несколько подпевал невнятно угукнули, хотя по их испуганным ромам было видно — они уже тысячу раз пожалели, что ввязались в это дело.

Багровое пламя с яростным гулом сорвалось с его ладони. Встречный ветер взвился безумным смерчем, огненный поток прямо в воздухе разделился на три ревущих языка, закружился бешеной спиралью и вновь слился воедино, превратившись в огромный ослепительный шар. Все затаили дыхание: перед ними была легендарная Пламенная Ладонь — секретная техника, которой Фэн Цзыяня обучил сам Почтенный Главы Шаманов. Во всём ордене Цзюньшань ею владели от силы три человека.

Гэ Хуань судорожно сглотнул. Mamочки, ну и мощь! Оно ещё и форму на ходу меняет. Если этот метеорит прилетит ему в грудь, собирать его кости придётся по всей горе. О каком вообще лазарете может идти речь?

Но времени на панику уже не оставалось. Огненный вихрь неодолимой лавиной нёсся прямо на него. Гэ Хуань зажмурился и внутренне сжался, покорно ожидая удара.

Над площадью повисла оглушительная тишина. Все зажмурились, ожидая, что от несчастного Гэ Хуаня останется лишь горстка пепла.

Секунда, другая... Но почему вокруг не пахнет горелой плотью?

Гэ Хуань осторожно приоткрыл один глаз. Жив. Цел. Стоит на ногах и недоумённо хлопает ресницами, вообще не понимая, что произошло.

Толпа зевак ошарашенно застыла с открытыми ртами.

Впрочем, остолбенели они вовсе не от чудесного спасения слабака. Прямо перед самым лицом Гэ Хуаня огненный шар внезапно совершил немыслимый вираж, развернулся на сто восемьдесят градусов и понёсся обратно к хозяину — втрое быстрее и яростнее прежнего. Фэн Цзыянь даже охнуть не успел, как его собственный удар впечатался ему прямо в грудную клетку. С глухим стуком парень рухнул на спину, схватился за сердце и дико, истошно завыл от пронзительной боли.

На серые плитки брызнула тёмная кровь.

Гэ Хуань во все глаза смотрел на эту картину, не веря собственной удаче. Вдруг со спины повеяло мягким, успокаивающим теплом. Он медленно обернулся и замер: позади него высился Цзисин-цзы. Его раскосые, удлинённые к вискам глаза лучились привычной мягкостью, в глубине которой затаилась едва заметная насмешливая искорка.

Шицзунь пришёл на помощь!

Гэ Хуань не сумел сдержать хлынувших через край эмоций — в его широко распахнутых глазах отразились искренний восторг и облегчение.

Толпа зевак наконец опомнилась. Лица учеников мгновенно побелели от ужаса, и они дружно бухнулись на колени, утыкаясь лбами в пыльные плитки. Устраивать расправу над чужим преемником прямо на глазах у его грозного наставника — дерзость несусветная, кара за которую могла последовать незамедлительно.

Фэн Цзыянь, преодолевая боль, приподнялся на локте и волком уставился на старейшину.

Цзисин-цзы мягко похлопал Гэ Хуаня по плечу, успокаивая, а затем перевёл взгляд на коленопреклонённую ораву. Его взор мгновенно стал ледяным и пронзительным, словно зимний ветер.

— Что здесь происходит? — ровным, но оттого ещё более жутким голосом спросил он. — Правила ордена Цзюньшань более не указ? С каких пор у нас разрешены самовольные поединки, да ещё и с участием толпы зевак?

— Почтенный... всё не так... — заикаясь, выдавил один из лежащих ниц учеников. — Младший брат Гэ сам согласился на поединок со старшим братом Цзыянем.

— Верно! Мы просто... просто обменивались опытом между братьями, ничего противозаконного! — поддакнул другой, не смея поднять головы.

Терпение Цзисин-цзы, похоже, окончательно лопнуло.

— Я не слепой и не глухой, так что попрдержите свои лживые языки! — припечатал он. — Раз уж вам так не терпится помериться силами, давайте я лично отвешу каждому из вас по удару, и дело с концом? Переживать не стоит, калечить не буду — применю от силы три десятых своей мощи. Ну? — Он выразительно приподнял изящную ладонь, вокруг пальцев которой заструился едва заметный серебристый свет. — Кто первый покажет свою доблесть? Самому храброму обещаю бить не в полную силу.

Гэ Хуань заворожённо наблюдал за каждым его движением, чувствуя, как к горлу подкатывает тёплый ком. Глупо отрицать очевидное — забота наставника тронула его до глубины души, пускай разум до сих пор отказывался верить в столь внезапное покровительство.

Нарушители дисциплины испуганно переглянулись и запричитали наперебой:

— Почтенный Поздняя Звезда, пощадите! Мы виноваты!

— Бес попутал, Почтенный, простите дураков!

— Клянёмся, мы больше и близко к нему не подойдём! — голосили они. Получить даже лёгкий тычок от старейшины Поздняя Звезда означало гарантированно провалиться пластом добрых полмесяца, бережно собирая по кусочкам собственные меридианы.

— Да-да, вину признаём, каемся!

Фэн Цзыянь утер рукавом сочившуюся из уголка губ кровь и, пошатываясь, поднялся на ноги. Его лицо исказила ядовитая ухмылка.

— Искренне не понимаю, чем этот слизняк заслужил такую честь — ходить в личных учениках у самого Почтенного Поздняя Звезда, — хрипло процедил он, брызгая слюной. — Обыкновенный трус. Не способен сам постоять за себя, чуть что — сразу за спину наставника прячется. Если он не ничтожество, то кто тогда?

Цзисин-цзы нахмурился, собираясь окончательно стереть спесь с физиономии зарвавшегося юнца, но Гэ Хуань внезапно шагнул вперёд, опередив наставника.

— Ничтожество я или нет — решит Собрание Героев, — твёрдо произнёс он, глядя сопернику прямо в глаза. — Там мы встретимся на арене. Официально. И до последнего вздоха.

Фэн Цзыянь издевательски расхохотался:

— Идёт! Почтенный Поздняя Звезда, вы сами всё слышали — ваш ненаглядный ученик сам напросился, я тут ни при чём. Что ж, с нетерпением буду ждать нашей встречи.

Коротко, чисто из приличия поклонившись старейшине, он развернулся и, прихрамывая, побрёл прочь. Остальные поспешили раствориться в толпе вслед за ним, пока мастер не передумал насчёт обещанных ударов.

Цзисин-цзы мысленно схватился за голову.

«Да куда этот идиот лезет?! Два месяца бьётся над простейшей Техникой Сокрушительной Иллюзии, прогресса — кот наплакал, а туда же — вызывать на смертный бой десятого бойца ордена! Ещё ползать толком не научился, а уже летать пытается. Эта дурацкая привычка лезть на рожон один в один как у моего заклятого врага...»

С каждым днём у Цзисин-цзы всё сильнее крепло ощущение, что он медленно сходит с ума.

— Шицзунь, спасибо, что заступились за меня, — негромко, но твёрдо произнёс Гэ Хуань. — Обещаю, я больше никогда не заставлю вас краснеть за своего ученика. Пожалуйста, верьте мне.

В его глазах горела упрямая, яростная решимость.

«Да пошли они все к чёрту! Сил моих больше нет терпеть эти вечные плевки и обзывательства. Я мужик в конце концов, а не тряпка половая! Думают, мне самому в кайф ходить в слабаках? Да если бы не этот чёртов автор с его садистскими наклонностями, прописавший главному герою бесконечную череду унижений и страданий, я бы им всем давно показал, где раки зимуют!»

Но как ни крути, против законов этого мира не попрёшь.

Гэ Хуань прекрасно осознавал: после сегодняшней сцены спокойные деньки в ордене Цзюньшань для него окончательно подошли к концу. Выход оставался только один: пересилить себя, прыгнуть выше головы и стать по-настоящему сильным. Иначе об него так и будут вытирать ноги все кому не лень. Сегодняшний случай — отличный тому пример. Не окажись Цзисин-цзы поблизости (и бог весть, какими мотивами руководствовался этот загадочный наставник), Фэн Цзыянь со своей бешеной Пламенной Ладонью гарантированно раскатал бы его тонким блином по мостовой.

Глядя на серьёзное, не по годам сосредоточенное лицо ученика, Цзисин-цзы почувствовал, как его собственное сердце невольно оттаяло.

— Хорошо, — мягко отозвался он. — Я верю тебе. Ты уже пообедал? Давай разделим трапезу, если ещё не успел.

Лицо Гэ Хуаня мгновенно озарилось счастливой улыбкой:

— С удовольствием, шицзунь!

После совместного обеда старейшина получил срочное мысленное послание от главы ордена и поспешно удалился по делам. Гэ Хуань же в полном одиночестве побрёл обратно на Гору Возвращения, твёрдо нацелившись во что бы то ни стало укротить строптивую Технику Сокрушительной Иллюзии.

Но до чего же трудно учиться, когда твоё тело — сухой колодец без капли врождённого таланта!

«Проклятый бумагомарака! — мысленно изливал яд Гэ Хуань, безуспешно концентрируя духовную энергию в ладонях. — Тебе что, жалко было хоть каплю способностей своему герою отсыпать?! В нормальных романах для парней трёхлетки уже горы сворачивают, а к семнадцати годам всю объединяют кланы и восходят на божественные престолы. Но нет, этому автору-садисту обязательно нужно было заставить своего протагониста полжизни пресмыкаться и терпеть пинки от каждого встречного прохожего! Просто зубы сводит от злости при одной мысли об этом!»

<http://bllate.org/book/19556/2029482>